

Таким образом, две из трех предполагаемых атрибуций «отца Михаила» подкрепляют связь с памятником киевского книжного искусства XIV в. печатной книги середины XVII в.⁸

Однако не только иллюстрации, восходящие к Киевской псалтыри, должны стать предметом дальнейшего изучения рассматриваемой старопечатной Псалтыри. Другие иллюстрации, позднейшего происхождения и несомненно отразившие влияние современной им живописи, не менее интересны. Во множестве бытовых реалий, в costume, реквизите, пейзаже и архитектуре они запечатлели те перемены в идеологии и в быту наших далеких предков, которыми так богат бурный и мятежный XVII век. Таковы изображения сева и жатвы, строительства каменного дома — с лесами, подъемным блоком и другими «техническими» деталями (л. 216 и об.), множество рисунков диких и домашних животных, изображенных не в условной, а в реалистической манере. Например, хотя «прузи» нарисованы величиной почти с коров, изображенных рядом, все-таки это самая настоящая саранча, пожирающая посевы (л. 128 об.). Некоторые иллюстрации отразили и социальные контрасты: нищий в лаптях с плетеной котомкой (л. 164), русский боярин в роли «лихоимца», наущаемого дьяволом, который гонит другого, босоногого нищего (л. 185 об.), и некоторые другие. Отразились даже некоторые проблемы, издавна волновавшие умы русских писателей и публицистов, и не только отношение ко всяким «неверным» вообще, но и такие частности, как например симония: есть изображение «херотонии», где епископ «на серебре поставляет на священство» (л. 110 об.).

И все эти позднейшие наслоения, не находящие аналогий в иллюстрациях Киевской псалтыри, связаны с ней системой привязки изображений непосредственно к тексту. Но если в Киевской псалтыри это осуществляется просто — киноварными соединительными линиями, то «многослойность» иллюстраций старопечатной книги обусловила более сложную систему обозначения этих связей — с помощью целой серии разноцветных «корректорских» знаков — точек, крестиков, треугольников и некоторых других, в том числе напоминающих разделительные знаки рукописных книг. Так в общности большинства сюжетов и их иконографии, а главное в самом принципе иллюстрирования — в расположении изображений на полях с привязкой их непосредственно к тексту — возродились через триста лет в русском книгопечатании традиции одной из самых замечательных лицевых рукописных книг. Пусть этот факт пока единичный (хотя нельзя отрицать возможности находки аналогичных случаев в старопечатной русской книжности), он входит в ряд многочисленных фактов, свидетельствующих о связях между двумя периодами истории русской книги — рукописным и печатным. Он еще раз показывает, что нельзя изучать четырехсотлетнюю историю русского книгопечатания в отрыве от предшествующей ей пятисотлетней истории рукописной книжности.

⁸ В дополнение к достаточно убедительной аргументации датировки в «Отчете имп. Публичной библиотеки» («после 1658 г.») сошлюсь на филигрань большинства ее листов. В альбоме А. А. Гераклитова, где, по словам автора, «подавляющая масса образцов взята из печатных изданий ... московской типографии» (А. А. Гераклитов. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, стр. 10), она датируется 1643 г. (№ 198).